

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ШИРОКОГОРОВ (в соавторстве с А. М. Решетовым)¹

Труды С. М. Широкогорова давно хорошо известны в мировой науке. За работами исследователя ученые европейских стран начали внимательно следить с тех пор, как появились его первые публикации. Основатель берлинской этносоциологической школы Рихард Турнвальд (1869–1954) обращался к ранним трудам С. М. Широкогорова, изданным еще в 20-е годы XX в., и рекомендовал их для изучения своим ученикам. Некоторые из них, ставшие впоследствии видными учеными, попали под сильное влияние идей российского этнолога и разделяли их на протяжении всей своей научной деятельности [Йохансен 2002: 139–143]. Интерес к трудам С. М. Широкогорова не только не угасал, а все более разрастался — к европейским последователям его взглядов, особенно в последние десятилетия, присоединились ученые из стран Азии, прежде всего из Китая, Японии, Кореи. И в настоящее время, когда прошло 64 года после смерти выдающегося ученого, его взгляды, мысли и теории, охватывающие, в сущности, все области, подвластные этнологии и этнографии, находятся в постоянном научном обращении у зарубежных исследователей и удостаиваются самых восторженных эпитетов.

Вильгельм Эмиль Мюльман (1904–1988) — ведущий теоретик немецкой послевоенной этнологии, долгие годы имевший тесные научные контакты с С. М. Широкогоровым и воспринявший многие идеи своего учителя, считал его одним из самых оригинальных этнологов-мыслителей современности. Высказывая эту мысль в 1940 г. в некрологе, посвященном С. М. Широкогорову, он с горечью подчеркнул, что этот ученый даже как этнолог не был достаточно оценен [Мюльман 2002: 144–145]. Подобное сожаление, даже упрек в недооценке научного дарования С. М. Широкогорова, в гораздо большей степени относится к российской науке, где многие десятилетия его имя упоминалось очень редко и, как правило, со ссылками только на две ранние работы ученого, написанные еще на русском языке [Широкогоров 1919: 47–108; 1923: 1–134]. Основные же труды С. М. Широкогорова изданы на английском и других европейских языках и почти не попадали в поле зрения отечественных ученых.

В связи с создавшейся вокруг имени ученого в советский период атмосферы явного игнорирования его крупных трудов особого уважения заслуживает обращение выдающегося российского этнографа Г. М. Василевич в конце 50-х годов XX в. к материалам своего не менее выдающегося соотечественника, касающимся религиозных представлений тунгусов (эвенков) [Василевич 1959: 163, 181].

В 1970–1980-е годы имя С. М. Широкогорова стало чаще появляться в научных трудах отечественных ученых, прежде всего в связи с его теорией

¹ Впервые опубликовано в: ЭО. 2003. № 3. С. 100–119.

этноса, которая получила оценку у двух самых известных в то время отечественных исследователей этнических проблем — Ю. В. Бромлей и Л. Н. Гумилева. Постоянно полемизировавшие ученые не сошлись и во взглядах на теорию и определение этноса, высказанные С. М. Широкогором. Ю. В. Бромлей сопроводил их нейтрально-сдержанными комментариями [Бромлей 1973: 23, 26; 1983: 19, 20], а Л. Н. Гумилев — резко критическими [1989: 69—71, 238]. К этим оценкам мы еще вернемся, когда о теории этноса С. М. Широкогорова будем говорить более подробно. В 1980 г. в России были впервые отмечены новаторские взгляды С. М. Широкогорова на сущность шаманизма и личность шамана [Ревуненкова 1980: 17—18, 33, 38—39, 58—59], а в 1989 г. появилась первая публикация о его жизни и деятельности [Решетов 1989: 25—27]. Так было положено начало признанию заслуг ученого на Родине, но явный перелом в отношении к С. М. Широкоговору произошел лишь в самое последнее время, в конце 1990-х годов.

В 1999 г., через 60 лет после смерти ученого, в Москве состоялся международный конгресс «Шаманизм и иные традиционные верования и практики» посвященный памяти трех выдающихся российских ученых — С. М. Широкогорова, Н. П. Дыренковой и А. В. Анохина [Шаманизм и иные... 1999; 2001], на котором был представлен доклад о взглядах С. М. Широкогорова на шаманизм [Ревуненкова, Решетов 1999: 23—30]. Вслед за этим в 2000 г. появился ряд статей, в которых подчеркивалась необходимость внимательно изучить взгляды С. М. Широкогорова на этногенез и религиозные представления тунгусов, отмечался его вклад в разработку теории этноса и археологические исследования Сибири и рассматривались некоторые материалы ученого по тунгусским языкам [Кочешков 2000: 11—13; Данченко 2000: 13—16; Певнов 2000: 16—18; Решетов 2000: 18—21].

Вскоре после конгресса 1999 г. во Владивостоке в 2001 г. прошла конференция, посвященная памяти С. М. Широкогорова — Широкогорские чтения. В ряде докладов конференции впервые были освещены некоторые периоды личной и научной биографии ученого, комментировались и анализировались с позиции современных научных знаний взгляды С. М. Широкогорова в области лингвистики, психологии, этногенеза, шаманизма применительно к тунгусо-маньчжурским народам, но затрагивающие более общие проблемы языкового родства, языковой политики, психологии и психофизиологии человека [Широкогорские чтения 2001]. Не все представленные на конференции доклады были равноценны, но сама конференция, посвященная выдающемуся российскому ученому после нескольких десятилетий почти полного забвения, представляется важным научным событием.

В том же 2001 г. была утверждена специальная программа исследования жизни и деятельности С. М. Широкогорова в Дальневосточном государственном университете. Итогом реализации этой программы явилась публикация документов, связанных с деятельностью С. М. Широкогорова, подробных биографических очерков о петербургском и владивостокском периодах его жизни, основанных на архивных источниках, а также некото-

рых писем и работ ученого [Широкогоров 2001]. Особенно следует выделить очень важную публикацию последнего времени — некролог, посвященный С. М. Широкогорову, и предисловие к нему видного современного немецкого этнолога Уллы Йохансен. И в некрологе, и в предисловии к нему раскрывается огромная сила воздействия российского ученого на формирование западноевропейской этнологии [Йохансен 2002: 139–143; Мюльман 2002: 144–155]. Авторы этой публикации надеялись, что тем самым будет сделан еще один шаг к возвращению имени С. М. Широкогорова в российскую этнологию. И действительно, еще один очень важный шаг сделан. Но при этом по-прежнему к творчеству С. М. Широкогорова, составившему целую эпоху в развитии науки, в российской этнологии обращаются крайне мало: как и в прежние годы, используются только его ранние работы, основные же книги этого признанного во всем мире классика этнологии, написанные на английском языке, по-настоящему еще не прочитаны отечественными исследователями, и одна из причин этого — отсутствие их переводов на русский язык.

С. М. Широкогоров был исследователем исключительно большого диапазона и грандиозного научного темперамента, заставлявшими его вторгаться в области многих наук, не только гуманитарных. Высказанные им взгляды и теории как в самих текстах работ, так и в отступлениях, обширных сносках и примечаниях, столь основательны и многогранны, что касаются проблем, находящихся на пересечении многих наук. Очень непросто их адекватно передать с точки зрения специалиста в какой-либо одной отрасли науки. При чтении работ С. М. Широкогорова весьма часто ощущается наличие соответствующей подготовки в области математики, биологии, медицины и других отраслей знания, которыми он владел. При этом С. М. Широкогоров прежде всего был первоклассным исследователем тунгусо-маньчжурских народов, но специалисты и в этой области, за редким исключением², проходят мимо его трудов.

Данная статья — это первая попытка раскрыть именно российским читателям научное значение трудов С. М. Широкогорова, носящих всеобъемлющий характер, познакомить со взглядами и теориями нашего выдающегося соотечественника, которые во многом предвосхитили современные идеи и направления в мировой этнологии, имея в виду то понимание места этой науки в системе знаний о человеке, которое определил ей сам ученый. Мы делаем лишь первое приближение к созданию образа С. М. Широкогорова как этнолога, каким он вырисовывается при прочтении его работ. Статья посвящена выявлению основных направлений его научных устремлений, его пути в науке, судьбам его произведений. Это также и запоздалый долг, который российские этнографы отдадут исследователю редкого дарования и огромной интеллектуальной силы, ученому, несомненно состав-

² К материалам из основных крупных работ С. М. Широкогорова кроме Г. М. Василевич в последнее десятилетие обращались только исследователи нанайского шаманства А. В. Смоляк и Т. Д. Булгакова [Смоляк 1991: 125, 128, 258; Булгакова 2001].

ляющему гордость отечественной науки, давно достойному стоять по крайней мере в одном ряду с признанными ее классиками — В. В. Радловым, Л. Я. Штернбергом, В. Г. Богоразом, Д. К. Зелениным, Г. М. Василевич, С. В. Ивановым, А. А. Поповым и др.

В последние годы довольно подробно была исследована биография С. М. Широкогорова [Решетов 2001б: 6–32; Кузнецов 2001: 32–53]. Поэтому мы отметим только некоторые важные для его научной биографии факты, взятые прежде всего из работ самого С. М. Широкогорова, который, к счастью для читателей, обязательно сообщал, каким образом возникал замысел той или иной работы и на каких материалах она основана.

С. М. Широкогоров родился 19 июня (1 июля) 1887 г. в Суздале, скончался 19 октября 1939 г. в Пекине. Первоначально он получил высшее образование в Париже, закончив филологический факультет Сорбонны, одновременно посещая Высшую школу политической экономики и Антропологическую школу. Возвратившись в 1910 г. в Россию, С. М. Широкогоров поступил на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета (1911 г.), посещал также занятия в Археологическом Институте. Но в Петербурге он не завершил образования ни по одной из названных дисциплин. Будучи еще студентом, С. М. Широкогоров в 1912 г. (а по некоторым данным в 1910 г.) начал работать в Музее антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге над составлением карточного каталога и регистрацией коллекций. В октябре 1912 г. он был избран на должность сверхштатного сотрудника (младшего антрополога) и вскоре стал заведующим отделом антропологии МАЭ. В том же году он уехал в экспедицию в Сибирь. В 1917 г. он очень ненадолго приезжал в Петроград, но в Музей антропологии и этнографии уже не вернулся, хотя должность сохранялась за ним до 1923 г.

Что привело его в Музей антропологии и этнографии? Обратимся к его последней книге *Psychomental Complex of the Tungus* [Shirokogoroff 1935], насыщенной не только научными теориями и материалами, относящимися преимущественно к мировоззрению тунгусов, но и философскими размышлениями, страстно-полемическими отступлениями по ходу изложения материала, оценивающими переживаемый данный исторический момент, а также некоторыми биографическими подробностями. Вот как описывает С. М. Широкогоров начало своего пути в науку: «Первоначально мои научные интересы были направлены на изучение общих проблем, которые в то время можно было бы отнести к “философии истории” и которые намного позже были мною сформулированы как “механизмы этнических и этнографических изменений”. Начав заниматься социологией, экономикой и историей в узком смысле слова, я постепенно обратился к проблемам, связанным с изучением населения, к этнографии и, наконец, к антропологии (физической), что также потребовало от меня подготовки в биологии. Расширив области своих интересов, я сделал попытку решить два вопроса, а именно: 1. О параллелизме между искусством и культурой Мадленской эпохи и палеоазиатскими народами Сибири. 2. О корреляции между фор-

мой и материалом стрел и между используемым материалом и техническим назначением этого вида оружия. Стремление решить эти проблемы привело меня в Музей антропологии и этнографии Императорской Академии Наук в Петербурге, директор которого В. В. Радлов после 4–5 месяцев моей работы в этом Музее предложил мне начать работу в поле и изучать языки — самоедские, дравидийские или тунгусские — по моему выбору. Хотя я не представлял себя в роли полевого исследователя и, в частности, совсем не думал изучать языки, относящиеся к совсем иным языковым ветвям, но в принципе принял предложение В. В. Радлова, поверив ему, что я могу попробовать себя в полевой работе и прежде всего изучать малоизвестные языки. К тому же подобные идеи отвечали в то время моему желанию вступить в прямой контакт с живым материалом, для того чтобы получить новые факты и особенно конкретные представления о неевропейских народах. Что касается трех групп народов, то я, не колеблясь, выбрал тунгусов, представившихся в моих глазах наиболее интересными для изучения. По моим тогдашним сведениям, они были менее всего подвержены влиянию других этнических групп, относящихся к так называемому “цивилизованному человечеству”, и менее известны, чем самоедские или дравидийские народы, изучавшиеся большим количеством исследователей» [Shirokogoroff 1935: 40].

О том, где и в каком направлении шли его первоначальные исследования, С. М. Широкогоров подробно написал сам. В 1912 и 1913 гг., а также в 1915–1917 гг. он был направлен Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии на Дальний Восток, причем последняя экспедиция была организована и частично финансировалась Императорской Академией наук и называлась Маньчжурской. Поэтому в 1917 г. С. М. Широкогоров работал в Маньчжурии, а также посетил Китай, Монголию и прилегающие к ним районы Сибири. Исследовательские планы ученого были нарушены из-за революционных событий в России, беспокойной обстановки в Сибири и на Дальнем Востоке. С. М. Широкогоров изменил свою научную программу: он вынужден был остаться в Китае, где до 1918 г. продолжал исследование маньчжуров в южной Маньчжурии и Пекине. Как уже отмечалось, приехав в 1917 г. очень ненадолго в Петроград, он больше никогда туда не возвращался. Весной 1918 г. С. М. Широкогоров провел некоторые исследования у тунгусов, говорящих на диалекте Манкова, совершил кратковременную поездку в Маньчжурию, встретился с некоторыми тунгусами.

В период с 1912 по 1918 г. он буквально жил, с небольшими перерывами, среди различных групп тунгусов-оленьеводов и кочевников Сибири и Маньчжурии, а также у маньчжуров, слонов и дагуров. Основное внимание его было направлено на этнографическое исследование тунгусов, изучение тунгусских диалектов и маньчжурского языка в области Айгун и Пекине, собирание антропометрического материала у тунгусов и других групп населения. Его исследовательские интересы распространялись не только на области, традиционно относящиеся к этнографии и физической антропологии, они охватывали также географическое и археологическое изучение

Дальнего Востока и Сибири. Географические наблюдения ученый вел постоянно, где бы он ни находился. В 1916 г. он принимал участие в археологических раскопках на берегу Амура в районе Благовещенска, в ущелье Малого Хинганского хребта.

Еще во время своих экспедиций 1912 и 1913 гг. исследователь собрал большую коллекцию предметов, сделал много фотографий и фонографических записей. Весь этот этнографический материал в 1914 г. был подарен С. М. Широкогоровым Музею антропологии и этнографии, но с 1917 г. и до конца жизни он так и не имел доступа к своим коллекциям³. Бурные политические события в Сибири и начавшаяся гражданская война не позволили С. М. Широкогорову после 1918 г. вести полевые исследования у тунгусо-маньчжурских народов. Его этнографические изыскания во Владивостоке и Китае теперь касались европейских и других этнических групп Сибири и Дальнего Востока. Как отмечает сам С. М. Широкогоров, эти исследования были далеки от его главных интересов, связанных с тунгусами, тем не менее они оказали влияние на его представления об этносе, этнических категориях или единицах, в том числе и тунгусских [Shirokogoroff 1924a; 1929: V–VI].

Дальнейшая деятельность С. М. Широкогорова в 1918–1922 гг. проходила во Владивостоке, где он работал сначала на Историко-филологическом факультете, а затем в Дальневосточном государственном университете, в организации которых в качестве самостоятельных высших учебных заведений С. М. Широкогоров принимал активное участие [Ермакова 2001: 10; Кузнецов 2001: 43–45]. Он был принят на должность приват-доцента и читал курсы по этнографии, в процессе которых вырабатывались его теоретические подходы к проблемам этноса, социальной организации, шаманизма, прежде всего на материале тунгусо-маньчжурских народов. Во Владивостоке вышли первые его работы на русском языке — среди них программный труд по шаманизму «Опыт исследования основ шаманства у тунгусов», главные идеи которого позже были использованы в главе о шаманизме в его последнем фундаментальном исследовании, посвященном психоментальному комплексу тунгусо-маньчжурских народов.

В 1922 г. С. М. Широкогоров не по своей воле вынужден был остаться в Китае, куда он поехал в командировку. В Китае он и жил до своей кончины, работая в разных городах — в Шанхае (1922–1926), Сямэне (Амое) (1926–1928), Гуанчжоу (Кантоне) (1928–1930), в последнем он возглавлял департамент антропологии Института языка и истории. Потом он переехал в Пекин, в Университет Цинхуа, где был с 1930 г. профессором антропологии и социологии. В Китае С. М. Широкогоров был известен под фамилией Ши Луго (китайский вариант его русской фамилии). Большинство его работ издавались в Китае на английском языке, многие из них вскоре после выхода в свет переводились на другие европейские языки, некоторые сравнительно недавно — на китайский. С. М. Широкогоров внес большой вклад

³ Подробнее о коллекциях см.: [Решетов 2001б: 28, примеч. 40, 41].

в развитие этнографии Китая, создал свою школу, был избран членом Академии наук Китая. Многие видные китайские ученые были учениками С. М. Широкогорова [Кузнецов 2001: 45]. Находясь в Китае и не имея больше возможности проводить исследования среди тунгусов, он вместе с доктором В. Эплтоном проводил чисто антропологические исследования среди различных территориальных групп китайцев, результатом которых явились три книги, изданные в 1923 и 1925 гг., о чем пойдет речь ниже.

Говоря об ученых, больше других оказавших влияние на направление и характер его деятельности, С. М. Широкогоров называет прежде всего акад. В. В. Радлова, который благословил его на изучение тунгусов и оказывал всякую помощь, В. Л. Котвича — в то время приват-доцента Петербургского университета и члена Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, позже — профессора Львовского университета, Я. В. Чекановского — сотрудника МАЭ, позже также ставшего профессором Львовского университета. От В. Л. Котвича С. М. Широкогоров получил очень ценные советы по полевой лингвистике еще до поездки к тунгусам, а под руководством Я. В. Чекановского он обрабатывал свои антропологические материалы после первой Забайкальской экспедиции. Наряду с именами ученых-этнографов, лингвистов и антропологов, которым он многим был обязан в своей исследовательской работе, С. М. Широкогоров называет и имя своей жены — Елизаветы Николаевны Широкогоровой (они поженились в мае 1908 г. в Париже). Она постоянно сопровождала его в экспедициях, была незаменима в установлении дружеских связей с тунгусами и маньчжурами — без ее помощи проникновение во внутренний мир изучаемых народов было бы для него невозможно [Shirokogoroff 1929: V]. Е. Н. Широкогорова, музыкант по профессии, опубликовала собственные работы по географии и музыкальной культуре тунгусов и маньчжур, в частности ее внимание привлекли шаманские песни [Широкогорова 1919: 109–148; Shirokogoroff E. N. 1924]. Работы своей жены С. М. Широкогоров высоко ценил, постоянно к ним обращался.

И все-таки с самого начала своих научных исследований С. М. Широкогоров шел самостоятельным путем. Он обладал прекрасной интуицией и острым критическим умом, хорошо знал историю этнографических школ, был знаком с различными методиками изучения так называемых первобытных народов. С. М. Широкогоров считал XIX в. блестящим в отношении развития этнографической науки, но при этом, владея опытом предшественников, вырабатывал свои принципы изучения жизни и культуры этноса. Очень небольшой раздел его книги *Psychomental Complex of the Tungus* (с. 6–10) посвящен обзору теорий, оказавших большое влияние на этнографов. К ним относятся прежде всего теории представителей эволюционистского и функционального направлений (Э. Б. Тайлор, Дж. Фрэзер, Э. Лэнг, Б. Малиновский), а также школы «культурных кругов» (Ф. Гребнер, В. Шмидт, В. Копперс).

Высоко оценивая вклад этих исследователей в развитие этнографической науки, С. М. Широкогоров, не вдаваясь в подробный анализ указан-

ных теорий, обратил внимание на их уязвимые места. Критически была воспринята С. М. Широкогоровым теория первобытного мышления Л. Леви-Брюля и психологическая (по его терминологии) теория Л. Я. Штернберга. Не вызвали одобрения ученого взгляды Ф. Боаса и Р. Лоуи, деливших народы на примитивные и цивилизованные. Следует подчеркнуть, что С. М. Широкогоров дает очень беглую характеристику существовавших в то время направлений в этнографии — для него важнее было обосновать свое понимание этнографии, этнологии и свой подход к изучению этноса.

Обратимся опять к его собственным свидетельствам. Исследователь отмечает, что начал изучение тунгусов так, как это обычно делали другие ученые, т. е. с фиксации отличий их культуры от его собственной. Очень скоро он понял, что подобная методика его не удовлетворяет и пришел к выводу, что прежде всего надо овладеть языком и все факты и явления тунгусской жизни интерпретировать с точки зрения мировоззрения и культурного комплекса тунгусов в целом. Все более погружаясь в жизнь изучаемого народа, С. М. Широкогоров почувствовал, как под влиянием тунгусов и маньчжуров менялся он сам. В результате он решил: понятия *примитивный* или *первобытный* применительно к таким народам, как тунгусы, оказываются весьма поверхностными и от них следует отказаться. Ученый показал, насколько эти народы в некоторых отношениях превосходят европейские, особенно в том, что касается приспособляемости к окружающей среде [Shirokogoroff 1935: 41]. Неутомимый исследователь, в экспедициях объездивший и исходивший по несколько раз огромные территории, он исключительно легко вживался в любую среду обитания, сумел сродниться с тунгусами и маньчжурами, установить близкие дружеские связи с ними и получить от тунгусов, как он сам подчеркивал, особый дар понимания, который не только помогал ему в работе, но оказывался спасительным средством в его личной жизни.

Именно благодаря тунгусам он избежал ареста красными командирами в 1917 г. Вот рассказ самого С. М. Широкогорова: «В 1917 г., когда разразилась революция, нас арестовали в поезде на Амурской железной дороге по пути в Забайкалье как “пособников старого режима”. Тунгус, ехавший с нами, отказался оставить нас одних с представителями новой власти. Заключение слова тунгуса об этом инциденте были такие: “Похоже, эти новые чиновники глупее, чем ничтожные чиновники нового китайского правительства”. Естественно, я не мог защищать новую власть и согласился с тунгусом» [Shirokogoroff 1935: 41]. Испытывая к С. М. Широкогорову большое доверие, тунгусы, по его словам, подчас сообщали ему столько информации, что ему казалось уже невозможным всю ее усвоить. И хотя это его несколько огорчало, в основном, он был счастлив, как может быть в подобных случаях счастлив настоящий этнограф.

Вообще к профессии этнографа С. М. Широкогоров предъявлял очень высокие требования. Быть этнографом для него — это значит обладать определенным комплексом психофизических и умственных качеств, высоким уровнем восприятия общего и особенного, высокой степенью самоана-

лиза и самоконтроля, наблюдательностью, этнографическими знаниями, многие из которых можно приобрести, но само умение приобретать их — свойство врожденное. «Вот почему, — замечает он, — так мало истинных этнографов» [Shirokogoroff 1935: 11]. Очень похоже, что образ истинного этнографа он создавал исходя из собственного опыта. Во всяком случае, С. М. Широкогоров соответствовал всем перечисленным им признакам этнографа по призванию.

Не относя себя ни к одной из существовавших школ, весьма критически настроенный к современным направлениям в этнографии, ученый заявлял, что является этнографом этнологической школы [Shirokogoroff 1935: XI]. И это — не каламбур. Он вынашивал в течение всей жизни концепцию об этнологии как особой науке, создающей необходимую теоретическую базу, которой должен руководствоваться исследователь.

Этнология, с точки зрения С. М. Широкогорова, — наука, стоящая в центре изучения человека, охватывающая все его существование в том виде, в каком оно проявляется в реальной жизни, где нет искусственного разделения между физическими условиями существования этноса и комплексом его культурных элементов, хотя это и разные виды биологической адаптации. Эти идеи он высказывал в своих ранних работах, они были четко сформулированы и в самом последнем его труде, изданном в 1935 г. В письме к В. Мюльману, датированном 1938 г., т. е. за год до своей смерти, С. М. Широкогоров дает очень содержательные комментарии по поводу определения самого себя как «этнографа этнологической школы» и еще раз подчеркивает необходимость создания специальной дисциплины — этнологии [Мюльман 2002: 152–153]. Об этнологии и ее месте среди других наук мы еще будем говорить более подробно.

В сущности, мы уже перешли к рассмотрению одной из главных теоретических позиций С. М. Широкогорова, но такое рассмотрение необходимо предварить несколькими замечаниями о наиболее характерных чертах его подхода к этнографическим явлениям и особенностях его творчества, нашедших яркое выражение во всех крупных работах ученого.

Одним из главных принципов научного исследования С. М. Широкогоров считал целостный, системный подход. С его точки зрения, изучение культуры — духовной и материальной, социальной организации, языка, психологической сферы в целом и шаманизма как ее неотъемлемой части должно происходить в тесной связи и взаимодействии друг с другом. «Материальная культура, социальная организация и психоментальный комплекс образуют сбалансированную систему, каждый элемент которой тесно прилажен к другому и взятые все вместе взаимодействуют между собой», — пишет он [Shirokogoroff 1935: 1]. Но для реализации этого принципа предварительно нужно раздельное описание каждого из названных аспектов жизни.

С. М. Широкогоров издал ряд работ, посвященных теории этноса, основам шаманизма, социальной организации, языку. При обозрении его научного творчества в целом они воспринимаются как отдельные фрагмен-

ты последней обобщающей работы *Psychomental Complex of the Tungus*, в которой эти фрагменты слились. Все основные работы С. М. Широкогорова взаимосвязаны и являются, по сути дела, главами одной большой книги о тунгусо-маньчжурском этносе. Он, правда, не смог написать книгу о материальной культуре, т. к. собранные им во время экспедиций предметы культуры и быта тунгусо-маньчжурских народов находились в России и были ему недоступны.

С. М. Широкогорov подчеркивает сложный характер не только всей этносоциальной, духовной и материальной культуры, образующей некую систему, но и отдельных ее составляющих, тоже носящих системный характер, изменение одного элемента в которых приводит к изменению всей системы. Адекватным выражением целостности и сложности изучаемых систем является у С. М. Широкогорова слово *комплекс*. Вот как определяет он понятие *социальная организация*: «...это комплекс этнографических элементов, регулирующих функционирование общества как постоянного конгломерата людей, образующих в свою очередь комплекс с определенным внутренним равновесием, которое дает возможность этнической единице воспроизводить себя, сохранять экономическую систему, материальную культуру, умственную и психическую деятельность, т. е. обеспечивать непрерывность существования этнической единицы в ее целостности» [Shirokogoroff 1929: 5]. Этнос, психологическую сферу, шаманизм он также определяет через понятие *комплекс*. Это слово входит составной частью и в представление С. М. Широкогорова об этнографе, о чем говорилось выше.

Как уже отмечалось, с самого начала исследовательской деятельности С. М. Широкогорov шел самостоятельным путем. Он рано выработал собственные принципы подхода к материалу, к понятиям, используемым в этнографической науке, дал свое представление о содержании этой науки, о предмете ее изучения и месте среди других наук. Основные теории и принципы этнографического изучения первоначально были применены им на материале тунгусо-маньчжурских народов. Затем, по мере все большего углубления в этот материал, дополненный сведениями о других народах Сибири и Дальнего Востока, он совершенствовал, уточнял, расширял свои теоретические подходы и постоянно возвращался к ним в следующих друг за другом трудах. Например, теорию этноса он впервые развивает в специальной работе, вышедшей еще в 1923 г., затем возвращается к ней в исследованиях, посвященных социальной организации тунгусов (1929 г.), урал-алтайской гипотезе (1931 г.) и, наконец, в своем последнем монументальном труде (1935 г.).

В каждой последующей работе известная проблема приобретала дополнительные оттенки, находила выражение в более точных и пространственных формулировках. То же самое можно сказать и о проблемах шаманизма, о понятии *этнология* и ряде других. Естественно, для того чтобы осветить те или иные затрагиваемые С. М. Широкогорovым проблемы, нельзя ограничиваться одной работой ученого, даже если она специально посвящена ка-

кой-либо одной из них (а именно так поступали те немногочисленные российские исследователи, ссылавшиеся на С. М. Широкогорова). Необходимо учитывать все работы, в которых данная проблема представлена. Помня об этих особенностях творческой манеры С. М. Широкогорова, мы постарались выявить круг тем и вопросов, связанных с этнографическим изучением народов, интерес к которым он сохранял на протяжении всей своей научной деятельности, в той или иной форме затрагивая их, по существу, во всех своих произведениях. И в этом тоже находит выражение один из основных исследовательских принципов ученого — принцип целостного системного подхода к изучаемым явлениям.

Очень важное место в научной деятельности С. М. Широкогорова занимает проблема этноса. Термин *этнос* известен в научном обороте с середины XIX в., но в этнографию, где он стал основополагающим понятием, был введен именно С. М. Широкогоровым. Впервые с проблемой этноса ученый столкнулся в начале полевой работы в 1912 г., обратив внимание на то, что разные группы народов обладают одинаковыми признаками, несмотря на различные условия жизни. Первые впечатления нашли подтверждение в экспедициях 1913 и 1915–1917 гг. С тех пор интерес к этой проблеме занял прочное место в его жизни. Оказавшись в 1918 г. во Владивостоке и читая курсы лекций по этнографии, С. М. Широкогоров одновременно активно занимался теоретическими разработками в изучении этноса, которые вылились в статью, специально посвященную этой проблеме, изданную уже в Китае на русском языке в 1923 г. (как уточняет автор, фактически она вышла в 1922 г.). Эта статья сразу привлекла внимание западноевропейских ученых. Уже через год после ее выхода в свет отдельные ее разделы были переведены на английский язык, появились рецензии в английских и французских журналах. В 1930-е годы эта статья была переведена на немецкий и французский языки. Как уже было сказано, к теории этноса он возвращался в последующих своих трудах: ее основные принципы лежат в основе его книг о социальной организации тунгусов и маньчжур, психологической сфере названных народов, а также его чисто антропологических работ. Не останавливаясь подробно на том, как шло развитие этой теории от книги к книге, пока она не приобрела законченный вид в его капитальном труде о психоментальном комплексе у тунгусов, попробуем кратко выразить ее наиболее значимые положения.

С. М. Широкогоров определяет этнос или этническую единицу как группу людей, говорящих на одном языке, объединенных верой в общее происхождение и обладающих определенным культурным комплексом, отличным от других групп населения. Характерным признаком этноса является эндогамия. Как живой организм, этнос проходит периоды роста, расцвета и упадка. С точки зрения внутренних потенций этнос может быть сильным (в период роста) и слабым (в период упадка). К этносу нельзя подходить как к неизменному, статичному явлению. Это динамический процесс, в котором действуют силы, консолидирующие и дезинтегрирующие (центробежные и центростремительные), находящиеся под влиянием трех

составляющих, а именно: среды обитания, или физических условий существования (т. е. первичной среды), культуры (т. е. производной или вторичной среды) и межэтнического окружения (т. е. третичной среды). Таким образом, этнос, с одной стороны существующий в трех пространственных измерениях (в первичной, вторичной и третичной средах), с другой — сам является элементом каждой из перечисленных сред, неотъемлемой частью всей системы, который отдельно невозможно рассматривать. С точки зрения Широкогорова, этнос — это одновременно биологическая и социокультурная единица. Пограничный характер этноса выражается в так называемом этническом равновесии — термин, который вводит С. М. Широкогородов. Оно определяется соотношением между численностью этноса, занимаемой им территорией и степенью адаптации к среде (физической или культурной). Этническое равновесие С. М. Широкогородов выражает формулой $(w = q)/(TS)$, где w — константа этнического равновесия, q — численность этноса, S — биологическая адаптация в форме культуры и функциональной силы, T — территория. Этнос как единица может существовать только в условиях сохранения равновесия. Изменения в каком-либо одном элементе, образующем равновесие, служат толчком к появлению других изменений [Shirokogoroff 1924a; 1931: 16; 1932; 1936: 85–115]. Эта константа этнического равновесия была установлена им для себя еще в 1912 г., но в последнем его труде она приобретает более разнообразные варианты. С. М. Широкогородов снова подчеркивает динамический характер этноса, выявляет соотношение в нем центробежных и центростремительных сил, роль экологического и экономического факторов, а также биологических условий его формирования. Еще раз говоря об адаптивных способностях этноса, являющихся, в сущности, двумя видами биологической адаптации — физической и культурной, он особое внимание уделяет роли межэтнических связей в процессе формирования этноса и нарушении этнического равновесия, могущего вызвать полное его исчезновение. Примером этноса, потерявшего этническое равновесие и поглощенного другим этносом, являются маньчжуры. Но они сохранили основные черты древней социальной организации, особенно в Северной Маньчжурии, и удержались от полной ассимиляции китайским этносом. Будучи вымирающим этносом, маньчжуры передали многие черты своей культуры этносам, имеющим общее с ними происхождение, а именно — тунгусам Маньчжурии, Монголии и Сибири [Shirokogoroff 1924b: 155]. Строго разделяя понятия *этнос* и *нация*, С. М. Широкогородов вводит новое понятие *лидирующий этнос*, который служит как бы моделью для других этнических единиц [Shirokogoroff 1935: 12–19].

Таковы в кратком изложении основные взгляды С. М. Широкогорова, которые лежат в основе его работ как по социальной организации, так и по психоментальному комплексу тунгусо-маньчжурских народов. Социальная организация, с точки зрения С. М. Широкогорова, — результат биологической адаптации этнических единиц, ведущих борьбу за существование [Shirokogoroff 1929: 5]. Важной своей задачей С. М. Широкогородов считал

выделение родов и соотношение родовой организации и этноса. Психоментальный комплекс тесно связан со всеми отношениями, существующими внутри этноса, физическими условиями его существования и со всеми разнообразными контактами, возникающими между соседними этносами [Shirokogoroff 1935: 23–25]. Вот почему все наиболее крупные работы ученого начинаются с изложения теории этноса.

Теория этноса С. М. Широкогорова сразу же вызвала большой отклик в науке многих стран мира. Одни ученые приняли ее и применяли отдельные принципы этой теории в своих работах, другие объявили эту теорию своего рода мистификаторством и даже фарсом, о чем прямо пишет сам С. М. Широкогоров [1931: 17]. Только в отечественной этнографии имя С. М. Широкогорова в связи с теорией этноса долгое время вообще не упоминалось. Впервые взгляды ученого на проблему этноса были замечены только в 1970–1980-е годы. Как уже говорилось, российские исследователи обращались только к самой ранней работе С. М. Широкогорова на эту тему. Ю. В. Бромлей уважительно упомянул имя С. М. Широкогорова среди первых исследователей этой важнейшей для этнографии проблемы. Среди значительного числа определений этноса Ю. В. Бромлей особо выделил дефиницию, принадлежащую С. М. Широкогорову, но заметил при этом, что понимание этноса у Широкогорова удивительным образом сочетается с причислением этой общности к биологическим [Бромлей 1973: 22, 26; 1983: 10, 20]. Такое впечатление может создаться только при поверхностном чтении трудов С. М. Широкогорова.

Действительно, С. М. Широкогоров много говорит о биологической адаптации этноса. Но при этом он всегда различает биологическую адаптацию в узком смысле слова (физическую адаптацию) и в широком смысле слова — вторичную адаптацию (иногда он называет ее реадаптацией или специфической формой биологической адаптации), каковой является культурная адаптация. Он, таким образом, указывает на опосредованную связь культурной адаптации с физической или чисто биологической. Кроме того, постоянно совершенствуя свою теорию, С. М. Широкогоров старался как раз выявить тот синтез (или, пользуясь его любимым термином, *комплекс*) биологических, социальных и культурно-психологических компонентов, которые образуют этнос в его динамическом развитии. Труды по социальной организации, шаманизму, психологической сфере тунгусов и маньчжур, книга, посвященная этнологическому и лингвистическому рассмотрению урало-алтайской гипотезы, и другие — это прежде всего работы о соотношении этноса и социума, этноса и рода, этноса и мыслительной деятельности.

Очень критически оценивает теорию этноса С. М. Широкогорова Л. Н. Гумилев. Небольшой специальный раздел его книги представляет эту теорию в крайне урезанном и примитивном виде. Он состоит из отдельных цитат, конечно же, только из ранней работы С. М. Широкогорова, с которыми автор не соглашается, не считая нужным серьезно аргументировать свою позицию. Утверждая, что в отличие от С. М. Широкогорова он распо-

лагает системным подходом (не подозревая или игнорируя тот факт, что именно системный подход — это одна из наиболее характерных и ярких черт в научном творчестве С. М. Широкогорова), Л. Н. Гумилев предлагает взамен более совершенную, с его точки зрения, собственную теорию. Правда, заключая раздел, он все-таки положительно оценивает работу С. М. Широкогорова: «И все-таки книга С. М. Широкогорова для своего времени была шагом вперед, ибо расширяла перспективу развития этнографии в этнологию». [Гумилев 1989: 7]. Но эта оценка абсолютно не вытекает из высказанных несколькими строками выше резких выпадов против теории этноса С. М. Широкогорова. В данной статье не место обсуждать пользующуюся немалой популярностью книгу Л. Н. Гумилева, написанную в остро-полюемическом духе и с особой художественной выразительностью. Хотелось бы обратить внимание только на некоторые идеи Л. Н. Гумилева, касающиеся связи человека как члена социума с характерными чертами этноса. Он считает, что этносы всегда связаны с окружающей природой, что это субстанция биосферы, что этнос — это долгоидущий процесс, система социальных и природных единиц, традиций, вмещающей географической среды его обитания, этнического окружения, а также определенных тенденций, господствующих в развитии системы. «Таким образом, реальную этническую целостность мы можем определить как динамическую систему, включающую в себя не только людей, но и элементы ландшафта, культурную традицию и взаимосвязи с соседями» [Гумилев 1989: 103].

Нельзя не заметить в этих высказываниях Л. Н. Гумилева не просто удивительные совпадения, но и почти дословные выражения критикуемого им С. М. Широкогорова, теорию которого он считал устаревшей. Те же аналогии с идеями С. М. Широкогорова можно увидеть и в утверждении Л. Н. Гумилева о четырехфазисном развитии этноса — возникновении, подъеме, упадке и умирании — и во многих его ярких, но весьма противоречивых рассуждениях, касающихся роли пассионарных взрывов в становлении этноса, об этнических полях, этнических доминантах и т. п. В научной литературе уже было обращено внимание на сходство взглядов С. М. Широкогорова и Л. Н. Гумилева на природу этноса [Данченко 1997: 72–74; 2000: 13–16]. Е. М. Данченко указал на преемственность взглядов двух ученых и пришел к выводу, что С. М. Широкогоров был предтечей Л. Н. Гумилева в области теории этноса. Это, конечно, так и есть, только автор «более совершенной» теории считал иначе, и, повторив, в сущности, основные идеи С. М. Широкогорова, их предварительно подверг уничтожительной критике.

Теория этноса С. М. Широкогорова, согласно которой этнос — это явление биологическое и социальное, точнее, социокультурное, тесно связана и с другой волновавшей его проблемой: о соотношении наук, занимающихся исследованием человека и этноса в разных аспектах, т. е. между антропологией, этнографией, этнологией и историей. Обратившись к этой проблеме еще в начале полевой работы, затем в 1920-е годы, при разработке курса этнографии [Широкогоров 1922], он не оставлял ее на протяжении

всей жизни, окончательно оформив свои взгляды во введении к книге *Psychomental Complex of the Tungus* [Shirokogoroff 1935: I–X].

Больше всего С. М. Широкогорова интересовало соотношение между этнографией и этнологией. Придавая большое значение собиранию материалов и считая, что антропология и этнография имеют блестящее прошлое, он выступает против установившейся «мании собирательства» и настойчиво проводит мысль о необходимости этнографу-собирателю овладеть наукой, которая была бы теоретической основой его деятельности. Такую науку он называет этнологией. Этнография, вооруженная современными теоретическими знаниями, должна описывать и анализировать «живые» комплексы в их историческом и функциональном аспектах. В этом отношении она близка к историческим дисциплинам и всем наукам, занимающимся изучением культуры. Задача этнографии — это изучение культурной адаптации этносов. Этнограф должен вскрыть внутренние механизмы действия того или иного комплекса культур, понять причины функционирования этих механизмов, которые нередко находятся вне сферы культуры, т. е. коренятся в человеческой природе, географической среде, историческом развитии. Установить связь между физическими условиями существования человека и культурной адаптацией, происходящей в этнической среде, этнография не в силах, это — одна из задач этнологии. Поэтому этнологию С. М. Широкогоров определяет как науку, изучающую общие процессы изменений, происходящих с этносом, и в предложенной им схеме классификации наук помещает этнологию в самом центре [Shirokogoroff 1935: V, X]. Стремясь в своей практической деятельности воплотить исповедуемые им принципы научного подхода, он, как мы помним, называл себя этнографом этнологической школы.

Несколько комментариев требует взгляд С. М. Широкогорова на антропологию. Первоначально он рассматривал ее как ответвление зоологии. Но в результате своей практической деятельности и корректив, которые он вносил в теоретические разработки по мере освоения конкретного материала, он изменил взгляд на эту науку. Антропологией он особенно интенсивно начал заниматься в 1923 г., оказавшись в Китае. Вместе с доктором В. Эплтоном ученый проводил антропометрические исследования нескольких территориальных групп китайцев. Сначала результаты этих исследований были опубликованы в китайском медицинском журнале, но потом вышли отдельными изданиями [Shirokogoroff 1923; 1925a, b; Shirokogoroff, Appleton 1924: 400–414]. Эти работы ввели новый материал в этнографию китайцев. Они точнее определили место китайцев среди других этносов и показали, что по мере продвижения с севера на юг у них наблюдаются изменения среднего роста и ослабление монголоидных черт. Казалось бы, выводы имели сугубо антропологический характер, но С. М. Широкогоров и к этому материалу подошел с позиции своей теории этноса. Он показал, что физические, физиологические, умственные, психические и биологические процессы протекают в этносе очень медленно, быстрые же изменения могут нарушить этническое равновесие [Shirokogoroff 1925b: 21]. Ре-

зультаты своих работ в области физической антропологии автор считал относящимися и к этнологии. Знание языка изучаемого народа С. М. Широкогоров считал непременным условием для осуществления этнографических исследований. Сам он хорошо знал различные диалекты эвенкийского (тунгусского) языка и благодаря этому смог исключительно глубоко проникнуть в систему мировоззрения изучаемого народа. Он был не только знатоком языка, но и, имея склонность и вкус к теоретической лингвистике, написал несколько статей сугубо лингвистического характера⁴, стал составителем тунгусско-русского и русско-тунгусского словарей, изданных в Японии уже после смерти ученого [Shirokogoroff 1944].

Как этнолог С. М. Широкогоров и лингвистические проблемы не отделял от этнографических. Именно поэтому он не мог не включиться в возникшую еще в 1920-е годы дискуссию по алтайской теории языков, неоднократно воспроизводившуюся в различных вариантах в последующие годы. Немало сторонники этой теории имеется и в настоящее время. Алтайскую теорию или теорию родства тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и, возможно, корейского языков развивали такие крупные лингвисты, как Г. Й. Рамстедт, П. П. Шмидт, П. Пельо, А. Соважо, Н. Н. Поппе и др. Для подтверждения своих взглядов они широко привлекали материалы различных тунгусских языков. На этой теории основана гипотеза о генеалогической связи народов, говорящих на этих языках.

С. М. Широкогоров обращается к ней по крайней мере в трех работах: в статье о терминах ориентации у северных тунгусов, в книге о социальной организации тунгусов и в специальной книге, посвященной урало-алтайской гипотезе [Shirokogoroff 1928: 167–187; 1929: 359–361; 1931: 89–198], так как некоторые сторонники общности происхождения тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков присоединили к ним и так называемые уральские, т. е. финно-угорские и самодийские языки. С. М. Широкогоров показал, сколь неубедительны ссылки на тунгусские языки с точки зрения реально существующего живого эвенкийского материала. Он отметил, что приводимые учеными примеры, которые должны были свидетельствовать в пользу урало-алтайской гипотезы, случайны и не отражают действительного распределения лексем и значений как в диалектах эвенкийского языка, так и в других тунгусо-маньчжурских языках и диалектах. Он также показал, как трудно отличить исконно тунгусские слова от древних монгольских заимствований, детально разобрав множество примеров, весьма существенных для генетических выводов. Различия между тунгусскими и другими языками постулировавшейся алтайской семьи настолько велики, что, с точки зрения С. М. Широкогорова, целесообразнее говорить о существовании отдельной независимой тунгусской языковой семьи, которая подверглась сильному влиянию монгольских языков. С. М. Широко-

⁴ А. М. Певнов очень корректно проанализировал некоторые лингвистические взгляды С. М. Широкогорова с точки зрения современных представлений о тунгусских языках [Певнов 2000: 16–18].

горов формулирует свой окончательный вывод вполне определенно: пока не реконструированы пратунгусский, прамонгольский и пратиоркский языки, вряд ли возможно постулировать общий алтайский праязык. Необходимо отметить, что алтайская теория, в настоящее время почти утратившая свою популярность⁵, долго оставалась предметом неутрахающих дискуссий, в которые были вовлечены многие ученые следующего за С. М. Широкогоровым поколения и современные исследователи. С. М. Широкогоров с его историко-аналитическим подходом к развитию тунгусского языка и этноса и сейчас воспринимается как вполне современный участник обсуждения этой еще совсем недавно животрепещущей проблемы.

Находясь в эмиграции и не имея возможности вести полевые исследования у сибирских тунгусов, потеряв связи с ними, С. М. Широкогоров внимательно следил за происходившими в 1930-е годы в Сибири процессами, глубоко и страстно переживал за судьбу коренных народов этого региона. Он резко критически отреагировал на одно из начинаний, организованных советской властью, — создание письменности и литературного языка у тунгусов [Shirokogoroff 1991: 35–66; Широкогоров 1995: 132–159]. В полной мере оценив наивный энтузиазм и благородные порывы ученых, взявшихся за это дело, С. М. Широкогоров не мог одобрить начинание, которое не исходило из внутренних культурных потребностей самих тунгусов. Прекрасно зная и чувствуя язык, он не мог не видеть, что созданный литературный язык тунгусов оказался искусственным, упрощенным, детским. Заключает свою полемическую статью С. М. Широкогоров весьма категорично: «Литературный тунгусский язык не имеет ни научной ценности, ни будущего». Статья С. М. Широкогорова была написана в 1930-е годы, но опубликована только в 1991 г. Современные исследователи в целом подтверждают прогнозы С. М. Широкогорова. Так называемый литературный язык эвенков (тунгусов) оказался нежизнеспособен [Хасанова 1994: 74–75].⁶

В 1935 г. вышла последняя книга С. М. Широкогорова — *Psychomental Complex of the Tungus*. Это капитальное, очень подробное описание мировоззрения, или, говоря современным языком, картины мира, тунгусо-маньчжурских народов с использованием методов этнографии, психологии, биологии, математики и других наук. Как и в предыдущих работах, ученый подчеркивает тесную связь психоментального комплекса со всеми многосторонними отношениями, которые существуют внутри этнической единицы и возникают под влиянием иного этнического окружения в результате межэтнического общения. Таким образом, в основе интерпретации явлений, входящих в психоментальный комплекс, лежит теория этноса, кото-

⁵ Об алтайской гипотезе в историческом освещении и современном состоянии этой проблемы см.: [Щербак 1991: 163–185].

⁶ А.А. Бурыкин, выразив свое несогласие с позицией С. М. Широкогорова, в конце концов признает неудачным создание эвенкийского литературного языка [Бурыкин 2001: 12–17].

рую автор излагает в начале своей книги в наиболее полном и законченном виде. Он также развивает свои взгляды об этнологии, о которых говорилось ранее и в соответствии с которыми он строит свое исследование.

Что же такое психоментальный комплекс? Это прежде всего те элементы культуры, которые являются психической и интеллектуальной реакцией на окружающую среду, это способ адаптации этноса к среде, которая может быть устойчивой или постоянно меняющейся, статичной или динамичной. Функция психоментального комплекса состоит в обеспечении существования этноса в целом, через него этнос проявляет и сохраняет себя. Содержание психоментального комплекса менее стабильно по сравнению с материальной культурой, но гораздо более разнообразное. В него входят идеи и представления, обряды, обычаи, поведение людей. Раскрытию содержания психоментального комплекса тунгусов и посвящена вся книга С. М. Широкогорова, причем по ходу изложения это понятие постоянно совершенствуется, дополняется, уточняется и постепенно раскрывается во всей полноте и разнообразии. Неизменным при этом остается строгое следование главному принципу, провозглашенному во всех крупных работах ученого, — принципу целостного системного подхода к изучаемому явлению.

«Как только в 1935 г. вышла книга “Психоментальный комплекс тунгусов”, мне стало ясно, — пишет В. Мюльман, — что этим трудом Широкогорov разрушил рамки этнографии (в прежнем значении этого термина) и поставил себя в первые ряды теоретиков этнологии» [Мюльман 2002: 146]. Фундаментальное исследование С. М. Широкогорова настолько пронизано аналитическими рассуждениями и теоретическими концепциями, что трудно охватить разом все принципы освоения материала и дать оценку его многочисленным открытиям. О некоторых из них мы уже говорили в связи с другими работами ученого, которые, как уже было отмечено, в сущности, были отдельными фрагментами давно задуманного им капитального труда. Мы подробнее остановимся на той части книги, которая сразу же вызвала самый большой интерес у исследователей, не угасший вплоть до сегодняшнего дня, — это раздел о шаманизме.

Шаманизм, с точки зрения С. М. Широкогорова, будучи неотъемлемой частью психоментального комплекса, сам при этом представляет собой комплексное явление. Исследование его выделено в особый раздел книги ввиду огромной значимости шаманизма в жизни этноса, а в методических целях — для удобства описания.

С тех пор как вышла книга С. М. Широкогорова, посвященная психоментальному комплексу тунгусов, к ней постоянно обращаются зарубежные исследователи, занимающиеся проблемами шаманизма в теоретическом или сравнительно-историческом плане. В 1938 г. В. Мюльман опубликовал рецензию на «Психоментальный комплекс тунгусов», которую завершил словами: «Эта книга не из тех, что, как многие иные, будет прочитана, поставлена на место, оценена и затем отложена в сторону; напротив, это именно тот труд, который в значительной мере будет способствовать научной консолидации этнологии, а результаты его еще долго бу-

дут дискутироваться» [Мюльман 2002: 146]⁷. И сейчас этот фундаментальный труд российского ученого воспринимается как исключительно новаторское произведение, заслуживающее самых восторженных оценок: его называют «блистательным», «восхитительным» [Shamanism in Eurasia 1984: 37, 192]. Он сохраняет непреходящую притягательную силу, интерес к нему у современных ученых не иссякает, в диалогах с давно ушедшим из жизни автором рождаются новые ассоциации и встречные движения мысли, что в конечном счете стимулирует появление новых подходов в изучении шаманского комплекса. В отечественной же этнографии этот труд С. М. Широкогорова разделяет судьбу всех его крупных работ, т. е. он почти никому неизвестен. В постоянном научном обращении, правда, находится только самая первая его статья по шаманизму, вышедшая на русском языке в 1919 г. во Владивостоке, по которой уже можно судить о том, насколько он опередил свое время в подходе к шаманизму. Главное же произведение его научного творчества остается пока непрочитанным большинством российских исследователей шаманизма у народов Сибири.

Чтобы в полной мере оценить новаторский дух этого труда, надо представить себе атмосферу, в которой пребывало изучение шаманизма в 30-е годы XX в. А тогда существовало только одно направление в исследовании этого явления, которое можно определить как «психопатологическое»⁸. С. М. Широкогоров уже в первой своей программной статье по изучению основ шаманства у тунгусов — прообразе будущего раздела о шаманизме в книге, посвященной психоментальному комплексу тунгусов, подверг сомнению тезис о болезненной психике шамана. Он скорее говорит о физическом и психическом здоровье большинства из них, «...так как физическая немощь не позволила бы шаману владеть собою по своему желанию, а нервное и психическое заболевание в решительный момент могло бы воспрепятствовать поддержанию экстаза и все камлание превратить в обыкновенный нервный припадок» [Широкогоров 1919: 107].

В своем фундаментальном труде ученый, развивая этот взгляд на поведение шамана, обращается к проблеме психофизиологической организации шаманов у тунгусов вообще. С. М. Широкогоров считал, что изучение нервно-психических и мыслительных реакций у лиц с различными отклонениями от нормы является очень важным условием, может быть, даже ключевым моментом для понимания психоментального комплекса в целом и шаманизма в частности. Но при этом С. М. Широкогоров ясно сознавал (и подчеркивал), сколь трудно дать определение нормы, особенно сталкиваясь с иной этнической традицией. Тем не менее он смог глубоко раскрыть и проанализировать психические условия формирования тунгусского шаманства, описать немало случаев болезненного состояния психики, встре-

⁷ Рецензия была напечатана в газете *Deutsche Literaturzeitung*. 1938. N 15. S. 534ff (примеч. Д. А. Функа [Мюльман 2002: 153]).

⁸ Подробно о различных направлениях в изучении шаманизма см.: [Ревуненкова 1980: 13–28].

чающихся в том числе и у шаманов. В то же время исследователь подчеркивал, что случаи психических и умственных расстройств у тунгусов достаточно редки и не играют заметной роли в функционировании психоментального комплекса. Если явления, кажущиеся патологическими при чисто внешнем поверхностном наблюдении, рассматривать более глубоко — в определенном историко-культурном контексте и с точки зрения тунгусского мировоззрения, то выясняется, что в каждом отдельном случае эти явления играют конкретную роль, будучи то формой игры, то формой релаксации или назидания и т. п.

Таким образом, формы поведения и их варианты, выраженные в симптомах, внешне сходных с истерией или психозами, в действительности с точки зрения мировоззрения тунгусов коренятся в нормально функционирующем психоментальном комплексе, в котором большое место отводится действиям духов, устранить же их влияние может только специалист, т. е. шаман. Подобные формы поведения придают жизни тунгусского этноса такие краски, без которых эта жизнь была бы намного беднее [Shirokogoroff 1935: 241–268].

Уделив очень большое внимание психическому аспекту шаманизма, С. М. Широкогоров считает, что акцентирование внимания на внешней, часто преувеличенной связи шаманизма с психозами в действительности является реакцией европейских этнографов на чуждую им культуру. В связи с этим он формулирует важнейшее положение о том, как следует подходить к изучению культур, отличных от европейских не только по времени, но и по всему своему настрою: «Применение терминов одного культурного комплекса для интерпретации другого культурного комплекса не всегда способствует пониманию действительно существующих функций последнего» [Shirokogoroff 1935: 268, 332]. Сейчас это стало аксиомой этнологического изучения культур.

Шаманизм, играющий огромную роль в жизни тунгусо-маньчжурских народов, С. М. Широкогоров рассматривает как явление, стоящее на грани психологии и биологии, и приходит к заключению, что шаманизм — это проявление биологических функций рода, средство самозащиты, предохранительный клапан или саморегулирующийся механизм психологической сферы людей (так же как и психоментальный комплекс в целом, органической частью которого является шаманизм). Впервые ученый высказал эти мысли еще в 1919 г., развил их в книге, посвященной социальной организации тунгусов, к ним он не раз возвращался и в своем последнем труде.

Немало внимания уделено в книге и таким методам воздействия шамана на своих соплеменников, как внушение, гипноз, экстаз. На проблеме экстаза следует остановиться подробнее.

Едва ли не все исследователи шаманизма считают одним из главных отличительных признаков шамана его способность впадать в экстаз. С. М. Широкогоров, конечно, касается этой проблемы. Но и в данном случае его интересовало не столько внешнее проявление экстаза, сколько сущность этого явления. Ему важно было знать, что происходит во время экста-

за с шаманом с психологической и познавательной точек зрения. «В это время, — писал С. М. Широкогоров еще в 1919 г., — его мышление, освободившись от привычной последовательности логических моментов, подчиняется особой последовательности, которая открывает ему возможность познания вне рамок, привычных для данной этнографической среды. Вместе с тем приобретает ряд новых возможностей сознательного воздействия на людей, пути которых еще не изучены, но многие явления не могут быть уложены в рамки обычного гипноза» [Широкогоров 1919: 106].

Глубоко проникнув в суть мыслительных операций шамана, которые сейчас можно было бы назвать перестройкой работы мозга в измененном состоянии сознания, С. М. Широкогоров выявляет роль интуиции как особого метода познания, разрушающего стандартные модели логического мышления и создающего условия для символического, образного мышления, которое, в свою очередь, придает более совершенную и законченную форму умозаключениям. В состоянии экстаза, с точки зрения С. М. Широкогорова, происходит частичное выключение сознания, но при этом у настоящего шамана экстаз не переходит в неконтролируемый припадок, однако и не сдерживается настолько, чтобы была подавлена способность к интуитивному познанию. Шаман, по мнению С. М. Широкогорова, должен уметь контролировать свой мыслительный аппарат, знать методы приведения себя в состояние экстаза, а также поддерживать и регулировать это состояние в течение того времени, какое требуется, учитывая аудиторию и цель камлания [Shirokogoroff 1935: 363].

Развивая идеи о том, что камлание удовлетворяет самые разнообразные потребности психологического, социального, познавательного свойства, С. М. Широкогоров особенно выделяет эмоционально-эстетическую функцию камлания. Эстетическая сторона камлания остается чрезвычайно привлекательной как для исполнителя, так и для присутствующих, которые являются не просто зрителями, а активными участниками коллективного действия. Нередки были случаи, когда тунгусы принимали участие в камлании из чисто эстетических побуждений, удовлетворяя свои художественно-эмоциональные потребности. Они выше ценят шамана-артиста, который достигает большего эффекта в воздействии на аудиторию, чем шамана с не очень высокой художественной одаренностью [Shirokogoroff 1935: 343–344]. «Мне кажется, — пишет С. М. Широкогоров, — что шаману столь же необходим экстаз, как личности истерической время от времени переживать припадки, а людям творческим — поэтам, музыкантам — испытывать вдохновение» [Shirokogoroff 1935: 365].

Многое о чем говорилось выше, сейчас воспринимается совершенно естественно, как будто иначе и не должно быть. Но в этом тоже состоит заслуга С. М. Широкогорова, который вырвал исследования шаманизма из замкнутого круга одних и тех же взглядов на проблему. В настоящее время вряд ли у кого-либо возникнут сомнения в нормальной психической организации шамана, но для признания этого потребовались десятилетия, в течение которых проводились серии экспериментов по психологическим тес-

там, выявлению влияния условий сенсорной недостаточности, действий галлюциногенов на поведение шаманов, а также опыты по изменению состояния сознания и выявлению подоплеки того, что традиционно относится к неосознаваемой сфере человеческой психики и к проблеме бессознательного.

С. М. Широкогоров до всяких экспериментов еще в 20-е годы XX в. предвосхитил выводы современных исследователей о роли интуиции в творческом процессе⁹. Сейчас кажется само собой разумеющимся признавать наличие у шамана художественного мышления и особые творческие потенции в области поэтического, изобразительного, театрального и других видов искусств¹⁰. Но именно об этом впервые писал С. М. Широкогоров. Его подробные описания шаманских действий и поведения шамана во время камлания позволяют прокомментировать процесс шаманской работы с позиции современного направления в этнологии — физико-психологической антропологии¹¹ [Харитонов 2001: 27–30], а его взгляд на шаманизм как на систему взаимодействия сознания шамана, его бессознательного и коллективной психики рода позволяет видеть в С. М. Широкогорове предтечу трансперсонального направления в современной психологии и психотерапии¹². Вероятно, не без влияния мыслей С. М. Широкогорова об экстазе создавал свою известную книгу *Le chamanisme et les techniques archaïques de l'extase* (Р., 1951), сыгравшую тоже огромную стимулирующую роль в изучении шаманизма в мировом масштабе, М. Элиаде [Ревуненкова 1979: 241–258]. Взгляд на шамана как на великого хозяина экстаза (М. Элиаде) или как на психотерапевта и предшественника психоаналитика (высказанный К. Леви-Строссом и тоже ставший весьма популярным) в несколько иных словах был сформулирован уже С. М. Широкогоровым.

После выхода в свет книги *Psychomental Complex of the Tungus* появились труды, в которых шаманизм исследовался с точки зрения его структуры. Следует сказать, что С. М. Широкогоров рассматривал шаманизм в том числе и по ряду структурных, формальных признаков и сделал это задолго до утверждения методов структурного анализа в науке. Таким образом, книга С. М. Широкогорова *Psychomental Complex of the Tungus* способствовала рождению новых творческих подходов в изучении шаманского комплекса в целом. Но при этом не стоит забывать, что эта книга насыщена конкретным материалом, касающимся тунгусо-маньчжурских народов,

⁹ В этом плане очень интересные гипотезы и взгляды были высказаны на международном симпозиуме по проблеме неосознаваемой психической деятельности. См.: [Бессознательное 1978–1985].

¹⁰ Подробнее об этой проблеме см. с. 447–455 наст. изд. и в: [Ревуненкова 1974а; 1992: 87–104, 141–151].

¹¹ Название направления предложено В. И. Харитоновой [Харитонов 2000: 74].

¹² Концепция предложена Центром по изучению шаманизма и иных традиционных верований и практик ИЭА РАН на основе трудов современных научных психологов трансперсонального направления. Разработка поручена М. Н. Ошуркову. См.: [Ошурков 2001: 17–20].

и является комплексным исследованием, которое охватывает все формы существования этноса в единой функционирующей системе. В ней воплощен принцип целостного подхода к динамике жизни этноса во взаимосвязи и взаимообусловленности всех ее проявлений, при этом С. М. Широкогоров не упускает из виду и те ее стороны, которые до него представлялись чем-то незначительным. Эта книга — образец этнологического исследования в соответствии с представлениями о науке этнологии, выработанными ученым в самом начале научной деятельности, которым он стремился следовать в течение всей своей последующей работы.

В последние годы своей жизни С. М. Широкогоров напряженно работал над завершением большого труда под названием «Этнология», состоявшим из двух томов, семи частей и 35 глав. В этом труде, который он практически завершил, но не успел довести до публикации, ученый в законченном виде представил собственную методологию этнографии как комплексной науки, существующей независимо от смежных с нею наук, таких как история, социология, биология, география и т. д. В ней на новом витке обобщения материалов по ранее разрабатывавшимся им проблемам он развивал более подробно высказанные им положения. Так, в гл. 7 автор уделил особое внимание проблеме межэтнического давления, которую он разрабатывал на заре своих полевых исследований. «Основными источниками для формирования данного понятия послужили политическая и культурная история Европы и тщательный анализ географического распределения этнических групп и общностей в различных областях земли <...> Давление межэтнической среды постоянно возрастает с ростом населения и “импульсивных вариаций”. Так, в Европе межэтническое давление намного сильнее, чем у тунгусов <...> Этнографии старой школы этот фактор в системе этнического равновесия и в формировании и существовании этнических общностей “людей природы” был неведом»¹³. Нам представляется, что обращение к идеям С. М. Широкогорова о межэтническом давлении было бы весьма целесообразным и актуальным особенно теперь, при изучении природы современных этнических конфликтов.

Из фактов биографии и из ряда работ видно, что С. М. Широкогоров, несмотря на свою поглощенность наукой, не был бесстрастным ученым. Его очень волновала судьба народа, который он не просто искренне любил, но с которым буквально сроднился. В научных трудах С. М. Широкогорова немало зарисовок, живых сцен, описаний поведения, жестов, рассказываний близких ему людей — изучая, он жил одной жизнью с ними. Оказавшись в эмиграции, навсегда оторванный от среды обитания, бывшей долгое время для него привычной, он стремился не упустить из виду все то, что происходило в Сибири в 1930-е годы. Выше мы говорили о его реакции на культурную политику, проводимую у тунгусов. Хорошо зная отношение советской власти к шаманам, С. М. Широкогоров допускал возможность исчезновения шаманизма у тунгусо-маньчжурских народов, а может быть,

¹³ Об этом подробнее см.: [Мюльман 2002: 152–153].

и самих народов. «Очевидно одно: даже если тунгусы выживут, то шаманизм их будет уже не таким, каким я наблюдал его. Нужно будет изучать новый комплекс в новой этнической среде, от начала до конца, элемент за элементом», — писал он на последних страницах своей последней книги [Shirokogoroff 1935: 402]. Прогнозы С. М. Широкогорова не сбылись целиком. Тунгусские народы, несмотря ни на что, выжили, изучается у них и то, что осталось от шаманизма, но без творческого использования трудов С. М. Широкогорова.

Специального изучения заслуживают общественно-политические взгляды ученого, их эволюция в эмигрантский период от республиканских до монархических. 3 июля 1938 г. он произнес речь в Российском доме в Пекине в память 325-летия Дома Романовых «Значение династии Романовых для России» [Широкогоров 1938: XV–XVIII].

По прочтении работ С. М. Широкогорова перед нами встает облик ученого, у которого исключительно развито то, что другой выдающийся ученый, современник С. М. Широкогорова В. М. Алексеев (1881–1951) называл подлинно научным чувством, которое может вести к «беспредельному рождению новых истин во имя бесконечно длящегося, до самой смерти, научного психоза и состоящего из постоянных озарений и называемого точно так же наукой» [Алексеев 1982: 31, 32, 446]. Кстати, с В. М. Алексеевым у С. М. Широкогорова установились постоянные научные контакты начиная с 1917 г., в течение пяти лет — с 1927 по 1932 гг. — они состояли в переписке. В. М. Алексеев высоко ценил исследовательский талант С. М. Широкогорова и откликался на его новые работы даже тогда, когда тот находился в эмиграции [Решетов 2001а: 22–24].

Ученый огромного масштаба, во многих своих открытиях опередивший время, живший в изоляции от основных центров европейской науки и оказавший, тем не менее, немалое влияние на европейскую этнологию, будучи создателем целых школ и направлений в ней, С. М. Широкогоров лишь в России пока занимает место где-то на периферии истории науки. Его творческое наследие необходимо освоить и сделать доступным российскому читателю. Тогда наш выдающийся ученый-соотечественник получит достойное его имени признание не только в мировой, но и в российской науке.